

И. М. Нуриева

Бесермянская свадьба: неожиданные открытия

Аннотация:

В статье рассматривается свадебный обряд небольшого этноса, проживающего на севере Удмуртии, — бесермян. Сравнительный анализ севернoudмуртской и бесермянской свадьбы выявил принципиальные отличия на уровне структуры и музыкального кода, что позволяет говорить о самобытности бесермянской культуры.

Ключевые слова: бесермяне, северные удмурты, свадебный обряд, музыкальный код, проблема этногенеза.

I. M. Nurieva

Besermyan wedding: unexpected discoveries

Abstract:

The article deals with the wedding ceremony of a small ethnic group residing in the north of Udmurtia — the Besermyan. Comparative analysis of the Northern Udmurt and Besermyan weddings revealed fundamental differences in structure and musical code, which allows us to speak about the originality of the Besermyan culture.

Keywords: Besermyan, northern Udmurts, wedding rite, music code, ethnogenesis problem.

На мировой музыкальной карте еще существуют отдельные традиционные культуры, которые до сегодняшнего времени представляют загадку для исследователей. К одной из них можно отнести культуру бесермян (самоназвание *бесер, бесерман*) — проживающего на севере Удмуртии небольшого этноса, языком общения которого является одно из наречий удмуртского языка.

Изучение бесермян насчитывает почти вековую историю. Основная проблематика исследований сводится к вопросу этногенеза и ранней истории этноса. В результате дискуссий сформировались две основные гипотезы: одни ученые, опираясь на общность языка, единство материальной и духовной культуры северных удмуртов и бесермян, убеждены в финно-угорском происхождении последних;

другая часть ученых, усматривая исламские элементы в традиционной культуре, в архаичных пластах лексики родства, в отдельных фонетических особенностях, считают бесермян потомками одного из болгарских племен. Исследования последних лет показывают, что в сложении бесермян могли быть задействованы и другие народы. Так, в женском бесермянском комплексе выявлен иранский компонент [3. С. 58]. Антропологи, не исключая участия болгарского компонента в формировании бесермян, отмечают наличие усиленных южных европеоидных (понтийских) черт [1. С. 111].

Проблема истории народа чрезвычайно актуальна в изучении традиционной музыкальной культуры, поскольку, зная исторические корни этноса и отношение к определенной языковой группе, легче выстраивать схемы этногенетических, культурных и типологических параллелей. В случае с бесермянами исследователи вынуждены идти от обратного, изучая культуру народа для того, чтобы выявить его этногенез.

Музыкально-песенное искусство бесермян, на первый взгляд, неотличимо от соседнего севернорудмуртского. По крайней мере, при первом слуховом знакомстве распознать обе песенные культуры достаточно сложно. И в бесермянской, и в севернорудмуртской песенной традиции существует четкая дифференциация исполняемого репертуара на две жанровые группы: *мадь* (сюжетные песни) и *крэзь / голѳс* (импровизируемые напевы). Идентична песенно-жанровая система, которая объединяет напевы семейно-родового и календарного цикла: свадебные, гостевые, похоронно-поминальные, рекрутские, весенние обряды встречи весны, осенний праздник, приуроченный к Ильину дню, и др. Совпадает и песенный репертуар со значительным удельным весом русских заимствованных песен.

Однако постепенное погружение в традицию, углубленный анализ музыкальных текстов обнаружили своеобразие и неповторимость бесермянской музыкально-песенной культуры, рельефно выделяющейся на фоне культуры северных удмуртов.

В частности, при сходстве образа жизни, языка и бесермяне, и северные удмурты очень четко себя идентифицируют, в том числе, на уровне музыкального языка. Такими своеобразными этноидентифицирующими музыкальными маркерами, к примеру, можно считать наличие в песенном репертуаре «удмуртского» и «бесермянского» напевов (*удмурт крэзь*, *бесермян крэзь*), исполняемых при этом обеими сторонами. Отличия проявляются и на уровне звукоидеала: удмурты, проживающие на границе с бесермянскими поселениями, убеждены, что бесермяне поют *крэзи* ярче, звонче; что именно бесермянская среда помогает сохранить удмуртские *крэзи*, с чем нельзя не согласиться.

Важным признаком музыкального стиля бесермянских песен является опора на ангеминовые интонации. Примечательно, что ангеминовость встречается в основном в архаичных слоях бесермянской песенности: в сольных и коллективных внеобрядовых импровизациях-*крэзях*, отдельных свадебных и календарных напевах. Исследователь бесермянской песенной культуры А. П. Шаховской, в свое время отметивший пентатонику «как фактор, роднящий бесермянские *крэзи* с напевами тюркских народов данного региона, а в частности — с песенными напевами чувашей», сделал важный вывод о том, что *крэзи* бесермян несут в себе «следы древнеболгарской песенной культуры» [8. С. 26—27]. Поздний интонационный пласт бесермянского музыкально-песенного искусства формируется из сюжетных удмуртских и заимствованных песен и имеет в основе различные диатонические звукоряды, что аналогично поздним жанрам северных удмуртов.

Следующим шагом в изучении бесермянской песенной культуры стал анализ свадебного ритуала. Как было отмечено выше, длительное совместное проживание бесермян и северных удмуртов отразилось на общности жанровой системы. Примерно та же картина тождества ожидалась и в структуре свадебных обрядов. Однако результаты сравнительного анализа неожиданно высветили принципиально различную графическую линию их музыкального кода.

В музыкальной драматургии северноудмуртской свадьбы основная роль отводится напеву поезжан-родственников жениха *сюан крезь* (как, впрочем, и в других удмуртских локальных традициях). Этим напевом озвучен свадебный пир в доме невесты, обход домов ее родни. В настоящее время он часто исполняется и в доме жениха.

Свадебный напев северных удмуртов, обладающий статусом напева-формулы, выделяется на фоне северноудмуртских импровизаций-*крезей*, имеющих в основе различные диатонические лады, прежде всего, опорой на ангемитоновый звукоряд $c-d-e-g$, более характерный для южных удмуртов. С южноудмуртской традицией этот напев сближает и его ритмическая структура, которая складывается из ритмических ячеек, состоящих из трех восьмых и двух четвертей ♪♪♪♪ . Данная

ритмоформула известна удмуртам-Калмезам (западные районы Удмуртии), завятским, бавлинским, кизнерским удмуртам, причем встречается она в различных мелодических «обличьях» и в самых разных обрядовых контекстах¹ (см. пример 1).

Музыкальным же знаком поезжан-родственников жениха на бесермянской свадьбе является инструментальная (волыночная) музыка, сопровождающая всю свадьбу. Бесермянский волынец, как отмечал Н. П. Штейнфельд, при этом «не аккомпанирует певцам, а играет самостоятельно в промежутке между пением, так что музыка длится непрерывно» [9. С. 243]. Песни же поезжане поют плясовые и «вообще самые веселые», в том числе и русские [9. С. 243].

На удмуртской свадьбе волынка не звучала. По крайней мере, в этнографических описани-

1

Свадебный напев северных удмуртов (*сюан крезь*)

За - нъм, За - нъм а - на - йэ, За - нъм, За - нъм а - та - йэ,
 о'ик но лък - тиз, с'о-то - но шу- из, кък но лък - тиз, с'о-то - но шу-из,
 д'а-д'а-йэ лък-тиз, с'о-то - но шу-из, эн-гэ - йэ лък-тиз, с'о-то - но шу-из,
 та-та-йэ лък-тиз, с'о-то - но шу-из, йэн-гэ-йэ лък-тиз, с'о-то - но шу-из,
 ти шу-э вал, ум с'о - тэ на, ти шу - э вал, ум с'о - тэ на

*Годи гот, годи гот, всегда, мол, только да, свадьба есть,
 свадьба есть,*

*Играйте, мол, веселитесь/говоря, ай, до е, только да ска-
 жем ли.*

*Елочки-палочки, всегда ли только да, ай, дай, дай, дай,
 дай, дай, дай.*

Е, всегда ли, всегда ли. Ай, я, я, я, я, я, я, я, я [4. С. 22].

ях удмуртской свадьбы XIX — начала XX веков упоминаний об этом нет. Но при обращении к традиционным культурам Поволжья выясняется исключительная роль музыканта-волынщика на свадьбе. В частности, отмечается высокий статус музыканта в мордовской, чувашской, марийской традициях; одно только его присутствие, по поверьям, защищало молодых. Оградительная функция приписывалась и тембру инструмента. На мордовской свадьбе считалось неблагоприятным, если род жениха не имел волынку. Сакральное звучание волынки, призванной усилить человеческий голос, должно было сопровождать все перемещения невесты, дабы уберечь ее от враждебного вмешательства злых сил [2. С. 65—67, см. также: 5. С. 52, 59—61].

Вместе с тем на бесермянской свадьбе зафиксирован и формульный напев, но он оказался привязанным к локусу невесты, сопровождая предсвадебный цикл обрядов (девичник,

расплетение косы) и кульминационный момент обряда (прощание невесты с родным домом, родителями). Его исполняют подружки невесты и, как правило, от ее имени: «Ее садят на сундук с приданым. Она начинает плакать; девушки припевают по бесермянски: «милая ворота, вы остаетесь, изба, ты остаешься, сени, вы остаетесь от меня» и т. д., перечисляя все предметы, которые невеста с этого дня покидает навеки» [6. С. 245] (см. пример 2²).

В отличие от северноудмуртского, строго маркированного свадебного напева, бесермянский формульный напев не имеет четкого обозначения. В зависимости от обрядовой ситуации он может иметь следующие названия: *йөрчө пӧнон крезь* («напев переплетения косы», букв. «напев положения волос»), *муньчоёсь бертон крезь* («напев возвращения из бани») [6. С. 125—126]. Подчеркивая связь напева с локусом невесты, некоторые информанты называют его «напевом невестки» *ичимень крезь*.

2
♩ = 160

Бесермянский свадебный напев

го-ди гот, го-ди гот, йа-лам, пэ, ги-нэ но, с'у-ан ван', с'у-ан ван', с'у-ан ван'.
 шь - дэ-лэ, пэ, шь - дэ - лэ, ай, до йэ ги-нэ но вз - ра - лом - а.
 йо-лоч-ки-па-лоч-ки йа-лам-а ги-нэ но, ай, дай, дай, дай, дай, дай.
 йэ йа-лам-а, йа-лам - а, ай, йа, йа, йа, йа, йа, йа, йа, йа.

*Дорогая, дорогая матушка, дорогой, дорогой батюшка,
 Один раз да (сват) пришел, выдать надо, сказал, второй раз
 да пришел, выдать надо, сказал,
 Дядя пришел, выдать надо, сказал, тетя пришла, выдать
 надо, сказала,
 Сестра пришла, выдать надо, сказала, тетя пришла, вы-
 дать надо, сказала,
 Вы сказали бы: «Пока не отдадим».*

Обращает на себя внимание текст напева: несмотря на обозначение напева как *крезь*, подразумевающего, прежде всего, текстовую импровизацию на припевные слова в каждой партии, прощальный напев невесты состоит из поэтических формул, образующих драматический сюжет (невеста укоряет своих родных или прощается с родными местами); текст при этом исполняется синхронно, без припевных слов. Сюжетность исполняемого общиной *крезь* воспринимается как своеобразный фольклорный «оксюморон», факт, не вписывающийся в контекст традиции (и удмуртской, и бесермянской) и потому требующий отдельного изучения.

Однако при всем драматургическом различии северноудмуртской и бесермянской свадьбы нельзя не заметить определенного сходства между стилистикой двух формульных напевов. В первую очередь их объединяет опора на агемитоновый звукоряд (*c—d—e—g*); вторым немаловажным признаком является принцип выстраивания напева из ритмических формульных ячеек. Как было отмечено ранее, северноудмуртский напев состоит из семивременной ритмоформулы (трех восьмых и двух четвертей), бесермянский – из трех восьмых и четверти (в некоторых записях эта ритмоформула иногда модифицируется путем добавления еще одной четверти).

Закономерно возникает вопрос: существует ли определенная взаимосвязь между этими напевами? Ответ не столь очевиден. Во-первых, оба напева являются самостоятельными музыкальными «артефактами», а не версиями одного напева. Принципиально различна их роль в драматургии обряда: северноудмуртский маркирует поезжан-*сюанчиос* со стороны жениха и доминирует в звуковом оформлении свадьбы; бесермянский принадлежит родственникам невесты и звучит в кульминационный момент прощания невесты с домом. Кроме того, семивременная ритмоформула удмуртского напева распространена в самых разных обрядовых жанрах в различных локальных традициях удмуртов, не имеющих непосредственных контактов с бесермянами. Пятивременная

же ритмоформула бесермянского свадебного напева совпадает по очертаниям с ритмоформулой свадебного напева *васькали куй* закамских удмуртов (Республика Башкортостан), что также вызывает вопросы.

Таким образом, песенная культура бесермян, показывая, с одной стороны, близость к соседней удмуртской традиции, обнаруживает, с другой стороны, принципиальные отличия в архаических пластах музыкального языка. Вместе с тем точку в дискуссии об этногенезе бесермян ставить пока рано. Необходимы комплексные сравнительные исследования бесермянской песенной культуры в более широком — историческом, ареальном, культурном и иных контекстах, которые, возможно, помогут разгадать тайну этого «загадочного» народа.

Примечания

- ¹ Более подробно о ритмоформуле см.: [4. С. 221—223].
- ² Юкаменский р-н Удмуртии, д. Юнда. Запись Биянова А., 1991 год. Нотировка и перевод на русский язык И. М. Нуриевой.

Список литературы

1. Аксянова Г. А. Антропология бесермян // Этнографическое обозрение. — 2012. — № 2. — С. 100—117.
2. Бояркин Н. И. Мордовская народная музыка: Многоголосные инструментальные традиции. Ч. 1. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. — 140 с.
3. Климов К. М. Искусство бесермян. Художественный предмет, интерьер, костюм, среда: Учеб. пособие. — Ижевск: Удмурт. ун-т, 1999. — 64 с.
4. Нуриева И. М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. — Ижевск: УИИЯЛ УрО, 1999. — 272 с.
5. Осипов А. А. Чувашская свадьба: Обряд и музыка свадьбы вирьял. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. — 206 с.
6. Попова Е. В. Семейные обычаи и обряды бесермян. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. — 242 с.
7. Ходырева М. Г. Песни северных удмуртов. Вып. 1. (Удмуртский фольклор). — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. — 120 с.
8. Шаховской А. П. Народно-песенная культура бесермян. — М.: НВ Магистр, 1993. — 172 с.
9. Штейнфельд Н. П. Бесермяне. Опыт этнографического исследования // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. — Вятка: Издание губернского статистического комитета, 1894. — С. 220—259.

References

1. Aksjanova G. A. Antropologija besermjan // Jetnograficheskoe obozrenie. — 2012. — № 2. — S. 100—117.
2. Bojarkin N. I. Mordovskaja narodnaja muzyka: Mnogogolosnye instrumental'nye tradicii. Ch. 1. — Saransk: Izd-vo Mordov. Un-ta, 2004. — 140 s.
3. Klimov K. M. Iskusstvo besermjan. Hudozhestvennyj predmet, inter'er, kostjum, sreda: Ucheb. posobie. — Izhevsk: Udmurt. un-t, 1999. — 64 s.
4. Nurieva I. M. Muzyka v obrjadovoj kul'ture zavjatskih udmurtov: Problemy kul'turnogo konteksta i tradicionnogo myshlenija. — Izhevsk: UIIJaL UrO, 1999. — 272 s.
5. Osipov A. A. Chuvashskaja svad'ba: Obrjad i muzyka svad'by vir'jal. — Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 2007. — 206 s.
6. Popova E. V. Semejnye obychai i obrjady besermjan. — Izhevsk: UIIJaL UrO RAN, 1998. — 242 s.
7. Hodyreva M. G. Pesni severnyh udmurtov. Vyp. 1. (Udmurtskij fol'klor). — Izhevsk: UIIJaL UrO RAN, 1996. — 120 s.
8. Shahovskoj A. P. Narodno-pesennaja kul'tura besermjan. — M.: NB Magistr, 1993. — 172 s.
9. Shtejnfel'd N. P. Besermjane. Opyt jetnograficheskogo issledovanija // Kalendar' i pamjatnaja knizhka Vjatskoj gubernii na 1895 god. — Vjatka: Izdanie gubernskogo statisticheskogo komiteta, 1894. — S. 220—259.

